

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. К. Поливанова. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 792 с. [А. К. Polivanova. *Staroslavjanskij jazyk: Grammatika. Slovare* [Old Church Slavonic: Grammar. Dictionaries]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013. 792 p.] ISBN 978-5-91244-112-7.

Алексей Андреевич Козлов

Alexei A. Kozlov

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Россия
scripturas@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
119991, Russia
scripturas@mail.ru

Старославянский язык имеет особенное значение для отечественного языкознания — большее, чем любой другой древний язык. Так исторически сложилось, что именно вокруг этого языка построен традиционный курс, который читается на большинстве филологических факультетов и включает в себя самую разную информацию — в частности, обычно впервые студентам сообщаются основные факты из области славистики и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, некоторые принципы и методы исторической лингвистики вообще, базовые правила лингвистической работы с памятниками и так далее. Роль старославянского в образовании студента, который выбирает специализацию, например, филолога-древника, исторического русиста или компаративиста, огромна.

Поэтому кажется удивительным, что для старославянского не существовало не только учебного пособия, но и грамматики, адекватных современному состоянию науки о языке. Самым востребованным до сих пор остается известный учебник Г. А. Хабургаева, вышедший впервые в 1972 г. и выдержавший три издания [Хабургаев 1974; 1986; 2012]. Хотя в последнее время продолжают издаваться многочисленные учебные пособия ([Попов 1997; Изотов 2001; Ремнева 2004; Иваницкая 2011] и др.), но они практически полностью основываются на тех же фактах (и тех же интерпретациях фактов!), которые были предложены в учебнике Г. А. Хабургаева. В основном изменения заключаются, во-первых, в упрощении, а во-вторых, в сокращении излагаемой информации.

Классические описательные и исторические грамматики старославянского — труды Антуана Мейе [Мейе 2001], Андре Вайана [Вайан 1952], А. М. Селищева [Селищев 1951; 1952] — были написаны в первой половине прошлого века. Будучи по-своему выдающимися памятниками лингвистического описания, они, естественно, отражают тогдашнее состояние науки о языке. Менее известная русскоязычному читателю описательная грамматика Г. Ланта [Lunt 2001], являясь, безусловно, следующим шагом в развитии палеославистики, с точки зрения современного читателя, также безупречна — наряду с интересными она содержит и спорные, малоубедительные решения — например, использование аппарата порождающей фонологии, довольно тяжеловесное и часто злоупотребляющее проецированием реальных диахронических звуковых изменений в область синхронной грамматики языка.

Таким образом, до сих пор грамматики старославянского языка, отвечающей современным стандартам лингвистического описания, фактически не существовало. И эта лакуна — хотя бы отчасти — замечательно заполняется вышедшей монографией А. К. Поливановой.

На первый взгляд, почти восьмисотстраничная книга А. К. Поливановой резко отличается от обычной книги, посвященной старославянскому языку. Даже беглый взгляд позволяет заключить, что описание разработанного автором теоретического аппарата занимает в книге не меньше (если не больше!) места, чем обсуждение собственно эмпирических данных; это, конечно, может испугать филолога-слависта, не привыкшего к сложным формальным моделям (о чем, кстати, открыто предупреждает автор предисловия к грамматике В. А. Плулуня). Однако по мере погружения в книгу преимущества формальной модели, предложенной автором, становятся все очевиднее.

В грамматике описаны графика, фонология, морфонология и морфология старославянского языка, то есть те уровни языка, которые в принципе поддаются эффективной формализации в духе моделей 60-х годов. При этом под морфологией понимается именно аффиксальное строение словоформ, то есть морфемика (показательно, что в Предметном указателе к монографии отсутствуют, например, термины *перфект* и *плюсквамперфект* — эти видовые значения выражаются в старославянском аналитически).

Ориентация грамматики на нарочитую четкость и строгость, конечно, плохо согласуется с весьма разнородным языком старославянских памятников. Во «Введении» к работе Поливанова пространно обсуждается решение, оказывающееся ключевым для архитектуры грамматики, — описывать прежде всего «эталонный старославянский», то есть некоторую удобную исходную точку отсчета, не совпадающую ни с общеславянским, ни с «исходным кирилловским». Идиолектные различия — особенности памятников, составляющих корпус старославянского языка, — описываются в виде набора девиаций, то есть четкие фиксированные правила отклонения от эталона. Притом объектом рассмотрения в грамматике является *контрольный список словоформ*, из которого удалены неосвоенные заимствования (в том числе библейские имена собственные), композиты, а также «внепарадигматические», то есть несклоняемые формы. Фактически в грамматике рассматриваются только имена и глаголы.

Кроме «Введения», в книге четыре части: «Сегментная грамматика», «Парадигматика», «Добавления» и «Словари». Грамматика изложена в двух первых разделах; третий включает в себя «инвентари формативов», а также разнообразные экскурсы, комментарии и справки; в четвертом представлены два грамматических словаря старославянского языка, устройство которых мы подробно обсудим ниже.

В первой главе раздела «Сегментная грамматика» — «Знакомство» — фиксируются основные элементы модели, важные для дальнейшего изложения. Это, во-первых, три способа представления эталонного старославянского — графическое представление (запись в нормализованной кириллице), фонологическое и морфонологическое представления. Фонологическое представление словоформы — это цепочка фонем; морфонологическое — цепочка *формативов* (так в модели Поливановой называются аффиксы), разделенных точками. Каждый форматив тоже состоит из фонем — отдельного уровня морфем Поливанова не выделяет. Заметим, что фонемы могут записываться как буквами латиницы, так и буквами стандартизированной кириллицы — для слова *пришьль* эквивалентны фонологические записи *пришьль* и *priš'ľ*, морфонологические *при.шьд.л'ь* и *pri.š'ď.lb'.* Это возможно потому, что правила соответствия между графикой и фонологией в модели Поливановой гораздо более тривиальные, чем принято полагать.

Эти правила задаются в следующей главе «Графика и фонология». Алфавит эталонного старославянского включает сорок букв — отсутствуют те, что употребляются исключительно для передачи грецизмов (например, *ϕ* или *ν*), зато как отдельные буквы выделяются *шт*, *жд*, *л̃*, *й* и *ѣ*. Пять йотированных букв — *ѣ*, *ѣ*, *ю*, *ѣ* и *ѣ* — противопоставлены соответствующим нейотированным в начале слова и после гласных; по правилам эталонного старославянского, после каморированных согласных употребляются йотированные гласные, а после остальных дентопалатальных — нейотированные.

Инвентарь фонем отличается от традиционно постулируемого для старославянского в двух важных точках: Поливанова не признает так называемых «напряженных редуцированных» и «слоговых плавных». В результате для слова *вожин* фонологическое

представление выглядит как *božii*, а для слова *грѣдѣ* — как *grědě*. На наш взгляд, первое решение является удачным, а второе — по меньшей мере спорным. Действительно, *напряженность* (если понимать этот термин самым распространенным способом) — это тот самый признак, который должен отличать краткий гласный верхне-среднего подъема от долгого гласного верхнего подъема, то есть [ь] от [i], [ъ] от [y]; поэтому «напряженный ерь» должен быть практически неотличим от [i] (ср. английские /i/ и /i:/, разница между которыми обычно описывается как раз как оппозиция по напряженности). Наоборот, удаление из фонологии слоговых плавных представляется малооправданным: существуют свидетельства того, что последовательность *ръ* в словах *грѣдѣ* и *крѣвь* реализовалась поразному (см. хотя бы [Мейе 2001: 60—61]). Возможно, этот факт игнорируется потому, что цель грамматики — описание исключительно письменного языка памятников, а «эталонный старославянский», как подчеркивает автор, не обязан совпадать ни с одним реальным идиомом¹. Тем не менее, это неудобно хотя бы с прагматической точки зрения — например, при использовании грамматики в рамках учебного курса, в котором излагалась бы более традиционная фонология для старославянского языка. Очевидно, из тех же соображений автором не постулируются еще и палатальные /s'/и /z'/.

Здесь же Поливанова задает на множестве фонем и графем содержательные признаки, релевантные для последующего изложения (например, «морфонологически мягкие» фонемы), и излагает правила перехода от фонетики к графике. После удаления из фонологии «напряженных редуцированных», слоговых плавных, а также неоднозначности при фонологической интерпретации *с* (/s/ или /s'/) Поливанова добивается того, что эти правила становятся тривиальными — в сущности, они сводятся к правильному употреблению йотированных гласных: *šija* ⇒ *шина*, *pol'e* ⇒ *полѣ*.

Глава 3 «Формативы и морфонологические записи слов» вводит четыре позиционных класса формативов: корни, приставки, суффиксы и флексии. У формативов каждого класса есть строгие ограничения на фонологический облик — так называемая CVC-норма: у префиксов — CV (*вѣ*, *до*, *на*), у корней — CVC (*дѣн*, *наш*, *твор*; как видно, в записи CVC-нормы C может соответствовать консонантному кластеру), у суффиксов — VC (*ьн*, *ьск*), у флексий — V или VCV (*а*, *ж*, *амн*). С CVC-нормой согласуется закон Якобсона, который разрешает только контрастные швы между формативами (C.V или V.C, но не *C.C и не *V.V). Некоторые формативы, однако, могут быть *нестандартными*, то есть не соответствовать своей CVC-норме — этот факт может создавать *нестандартные краевые условия*, для компенсации которых старославянский язык располагает различными средствами.

В главе 4 «Синтагматика фонем» в виде обширных таблиц представлены исключительно подробные данные о сочетаемости фонем старославянского языка — отдельно для морфонологического, отдельно для фонологического уровней. При этом те сочетания, которые разрешены для морфонологического представления, но запрещены для фонологического, должны устраняться соответствующими правилами перехода. Некоторые сочетания, которые устраняются такими правилами, разрешены внутри формативов — в этом случае формативы объявляются *синтагматически аномальными* (в список аномальных попадают, например, *врѣхъ* и *влѣкъ*). Интересно, что на морфонологическом уровне из системных соображений некоторые сочетания фонем объявляются разрешенными, хотя они не отмечены в контрольном списке словоформ, — и это не идеалистическое стремление к «системности», а попытка приблизиться к реальным правилам фонотактики старославянского языка (такие кластеры могут встречаться, например, в церковнославянском).

¹ Одним из главных аргументов в пользу существования в старославянском слоговых плавных является то, что в последовательностях типа *трѣт*, соответствующих предполагаемым цепочкам типа /tRt/, редуцированный никогда не пропускается и не проясняется. В § 899, посвященном девиациям, связанным с падением редуцированных, Поливанова вводит «поправку к правилу Гавлика», основанную на этом факте; однако в другом месте (с. 602) она заявляет, что «найти в старославянском языке следы этой оппозиции <...> не удастся».

Далее излагаются правила перехода от морфонологического уровня к фонологическому. Так как морфонологическое представление у Поливановой имеет совсем невысокий уровень абстракции, на эти правила ложится весьма небольшая нагрузка, во-первых, в местах зияний — там, где нужно — появляется эпентетический йот, во-вторых, после палатальных нейтрализуются оппозиции **а/ѣ**, **ъ/ь**, **ы/и**, а рядом с йотом — и **ы/ъ**, **и/ь** (вводятся «напряженные редуцированные» традиционной грамматики), в-третьих, устраняются или обрабатываются запрещенные в фонологии кластеры согласных. Примеры действий правил этого цикла: **из.рек.ти** ⇒ **издрешти**, **жѣг.хъ** ⇒ **жахъ**, **роуд.м.ѣн.ъ** ⇒ **роумѣнъ**, **зна.н.ѣа** ⇒ **знаниа**.

Отдельным блоком излагаются девиантные правила преобразования кластеров, например, **з + ч** ⇒ **сч/шт** вместо эталонного **ч** (дающее формы **вєсчєстьнѣ** или **вєштєстьнѣ** вместо «нормативного» **вєчьстьнѣ**) или **к + т** ⇒ **ц** вместо эталонного **шт** (дающее формы из Киевских листков типа **помощь**).

Как можно видеть, в основном обработка алломорфии (интересно, что в книге употребляется другой термин — «аллоформия») вынесена за рамки морфонологических правил; автор приступает к ней, начиная с главы 5 «Полиформия формативов». Четыре типа алломорфии объявляются стандартными — *двухвариантность*, *CVC-амбивалентность*, *консонантная неустойчивость* и *неустойчивость вокализма*.

Первые два типа представляют собой *морфонологическое варьирование* — в этом случае выбор аллоформов зависит от сегментного контекста. Форматив называется двухвариантным, если у него есть два алломорфа, которые различаются начальной гласной (возможны соотношения типа **ѣ/и**, **ы/и**, **ы/а**, **о/ѣ**, **ъ/ь**). Выбор между ними производится на этапе парадигматического синтеза — то есть перед применением морфонологических правил — в зависимости от исхода предшествующего форматива; ожидаемым образом второй вариант выбирается тогда, когда последний оканчивается гласной и морфонологически мягкой согласной. Так формализуется традиционное понятие *твердой* и *мягкой разновидности* аффиксов. Похожим образом автор поступает с *CVC-амбивалентностью* — формативами, имеющими консонантное или вокальное начало (или исход) в зависимости от консонантного или вокального исхода (или, соответственно, начала) соседнего форматива (корни типа **да//дад**, **выч//оуч**, суффиксы типа **ѣш//вѣш** и т. д.).

Вторые два типа аллоформии не зависят от сегментного контекста — в этом случае выбор аллоформа целиком определяется правилами парадигматического синтеза; Поливанова объединяет их под именем *сегментной аллоформии*. Для описания сегментной аллоформии вводится понятие *чередования* — таблицы со столбцами, которые называются *рядами*, и со строками, которые называются *ступенями*. Ниже представлен фрагмент таблицы, соответствующей *фундаментальному чередованию гласных*:

Ряды	Ступени		
	ѣ	о	ѣ
Чистый	ы	а	ѣ
	ѣм/ж	ом/ж	ѣм/а
Сонантный Н(м)	ым/ж	ам/ж	ѣм/а
	ѣл/лѣ	ол/ла	ѣл/лѣ
Сонантный Н(г)	ыл/лѣ	ал/ла	ѣл/лѣ

Это самое сложное по внутреннему устройству чередование призвано описать аблаутные различия в вокализме корней, которыми по известным историческим причинам оказались затронуты не только гласные, но и соседние сонанты. В чистых рядах в чередовании участвуют одиночные гласные, в сонантных — сочетания гласных с сонантами (надчертные и подчертные варианты в согласных рядах обрабатываются правилом CVC-амбивалентности,

см. выше). Правила парадигматического синтеза могут требовать от формата, в котором представлено «фундаментальное чередование гласных», показывать в определенной клетке парадигмы определенную степень чередования. Остальные чередования, а именно *палатализация заднеязычных* и *переходное смягчение*, устроены проще — в первом, например, представлены ряды **к, г, х, ск, зг** и ступени **к, ч, ц**. Палатализация заднеязычных и переходное смягчение объединены под именем *консонантной неустойчивости* — это специальный вид алломорфии, который затрагивает только конечные согласные формативов.

Важно, что эти четыре типа алломорфии действительно являются «стандартными» для старославянского языка, то есть исчерпывающим образом описывают регулярные случаи алломорфического варьирования. Они встречаются в самых разных местах морфологической системы — так, например, твердый и мягкий варианты могут иметь не только флексии, но и суффиксы (например, **от//ѣт: добр.от.а**, но **тъщ.ѣт.а**); консонантную неустойчивость показывают как корни, так и суффиксы, и т. д. Исключением является фундаментальное чередование гласных, которое постулируется только для корней (автор принимает решение не распространять его на пары префиксов типа **по//па** и суффиксов типа **ьк//нк**, что могло бы быть интересным в рамках данной модели). Такой взгляд на процессы чередования в старославянском крайне необычен и весьма полезен — дело в том, что обычно они описываются с помощью постулирования достаточно большого числа фонетических переходов, причем набор этих переходов остается практически неизменным почти со времени Мейе; в результате как явления одного порядка трактуются фундаментальные чередования типа **вѣг//вѣж** и маргинальные типа **вльхв//вльсьв**. Поэтому, на наш взгляд, с точки зрения синхронного устройства старославянского эти четыре типа алломорфии действительно являются важным содержательным обобщением.

Следующие две главы — 6 и 7 — представляют собой еще одну замечательную особенность грамматики Поливановой. В этих главах, в сущности, впервые точно и эксплицитно обобщены данные о фонетических и графических характеристиках старославянских памятников — сведения, которых обычно остро не хватает при преподавании старославянского в рамках вузовского курса. Поливанова использует введенное впервые А. А. Зализняком понятие базовой системы письма [Зализняк 1982]: такая система строится для каждого памятника в виде набора обязательных отклонений от эталонного старославянского.

В главе 6 обсуждаются необходимые для описания идиолектных различий элементы модели, а в главе 7 дан собственный обзор памятников. Для каждого памятника таблицы задаются особенности употребления йотированных букв, а дальше описываются, например, аллографы буквы **шт** (в Мариинском евангелии как свободные **шт** и **ц**, в Зографском только **шт** и т. д.), переходное смягчение (в Мариинском евангелии «достаточно часто», а в Зографском «в ряде записей» отсутствует *l-epentheticum*) и др. Отступления от базовой системы письма, однако, допускаются, и здесь возникает проблема — на их количество не накладывается никаких ограничений, из-за чего выбранный автором способ описания существенно теряет в информативности. В самом деле, Поливанова не обсуждает критерии установления базовой системы письма, и не вполне понятно, есть ли, например, семьдесят процентов вероятности того, что словоформа будет выглядеть так, как предписывает базовая система? Тем не менее, все же представленное Поливановой описание пока что не имеет аналогов в отношении эксплицитности.

В следующем большом разделе «Парадигматика» Поливанова описывает *парадигматический синтез*, то есть построение форм, к которым далее будут применяться правила перехода от морфонологии к фонологии. При наличии мощного инструмента чередований правила парадигматического синтеза становятся очень простыми — достаточно только указать, какая ступень чередования должна быть представлена в интересующей нас клетке парадигмы. (Вообще говоря, чередования описывают аллоформу не только в словоизменении, но и в словообразовании; однако правила парадигматического синтеза описывают исключительно словоизменение, а для словообразования динамической модели в грамматике не предлагается вовсе.)

В главе 8 «Знакомство» описываются основные понятия парадигматики. У каждой словоформы есть две части: основа и окончание (последнее обычно равно формативу-флексии). Парадигматический синтез устроен следующим образом: во-первых, подбирается нужная основа, во-вторых, рабочее окончание, в-третьих, с помощью *правил обработки швов* на основе информации о грамматическом значении формы и парадигматическом классе лексемы применяются те или иные чередования: записи типа **ржк + ѣ**, **трьп + ж** превращаются в записи типа **рѣц = ѣ**, **трьпѣ = ж**. Парадигма каждой лексемы делится на несколько *субпарадигм*; у словоформ каждой субпарадигмы в нормальном случае должна быть одна и та же рабочая основа. Окончания каждого грамматического класса, в свою очередь, сгруппированы в так называемые *наборы* — каждая лексема должна принимать окончания из одного набора.

Интересно, что парадигматический синтез не применяется для некоторых исключительно нерегулярных форм — это могут быть *морфологически аномальные формы* типа императива **виждь** и целые *уникальные лексемы* типа **азъ** или **тѣбѣ**, которым автор не видит смысла приписывать определенное морфологическое представление. Такие формы целиком задаются в словаре.

В главах с 9 по 13 описывается построение парадигм имени. В большинстве случаев все формы одной и той же именной лексемы пользуются одной и той же рабочей основой. Главное новшество, привнесенное Поливановой в описание старославянских имен — это принципиально отличающееся от общепринятого исчисление типов склонения. Таких типов выделяется три: (i) основное двухвариантное (включающее традиционные *o- и *a-склонения; набор окончаний выбирается в зависимости от рода лексемы), (ii) местоименное двухвариантное и (iii) моновариантное (соответствующее традиционному *i-склонению). Лексемы уникальных словоизменительных классов типа **има** или **кры** (наряду с лексемами типа **господь**, **азъ** и некоторыми другими) иногда принимают окончания из *нестандартных наборов окончаний*. Например, для традиционного склонения на согласную Поливанова предусматривает специальный набор c-simplex (например, GenSg **ѣ**), тем не менее, большинство окончаний этого класса (**ьмь**, **ьхъ** и др.) она принципиально анализирует как окончания моновариантного (то есть *i-) склонения. Лексемы типа **домъ**, **сынъ** и т. д. автор относит к тому же словоизменительному типу, что и **градъ** или **лесь**; правда, для них тоже существует специальный набор окончаний — u-simplex — но в рамках эталонного старославянского он вообще запрещен; этот набор возможен только в парадигматических девиациях.

Кроме форм, обязанных быть включенными в парадигму, Поливанова отдельно описывает *вторичные формы* — те, которые есть лишь у малого числа лексем (это формы типа звательного падежа или личного дательного).

Для некоторых других лексем традиционно выделяемые нерегулярности в склонении Поливанова обобщает в более крупные типы, которые называются *парадигматическими эффектами*. Для именного склонения, например, важны следующие эффекты: *чужие окончания в парадигме и синкопированные основы*: из парадигматического класса 2/m ‘градъ’ с помощью первого эффекта получается класс 2/m* ‘делатель’ с окончанием **ѣ** в N.Pl; с помощью первого и второго — класс 2/m** ‘гражданинъ’ таким же окончанием в N.Pl и отсутствием формата **ни** в формах множественного числа. Как и в случае со стандартными типами алломорфии, выделение парадигматических эффектов — интересное обобщение кажущихся разнородными фактов старославянской морфологии: например, синкопированные основы наблюдаются еще и в формах N.Sg компаративов типа **хѹждь / хѹждь.ьш.а** и **шт-** и **ш-**причастий типа **иды / ид.жщ.а**.

Там же следует обзор словоизменительных классов (как основных, так и мелких, созданных с помощью парадигматических эффектов) с подробными «словариками комментированных лексем», в которых собраны слова, редкие или почему-нибудь способные вызвать трудности в интерпретации, например, «**троудъ**. Не путать: **троудъ** ‘усилие, труд’ <971> и **трждъ** ‘болезнь’ <986>».

В главах с 14 по 22 описывается построение глагольных форм. Парадигма глагола делится на 12 *субпарадигм*: отдельную субпарадигму образует каждое из возможных причастий (**м-**, **шт-**, **н-**, **ш-**, **л-**, **т-**-причастия), инфинитив, супин, императив, презенс, аорист и имперфект. Субпарадигмы формируются в *репрезентации* и *системы*. К именной репрезентации относятся причастия, инфинитив и супин, к финитной — соответственно, финитные формы; особенность именной репрезентации в том, что правила глагольного синтеза задают только выбор рабочей основы и присоединение суффикса причастия — все остальное (то есть присоединение именного окончания или применение эффекта синкопированной основы в формах типа **нды**) делают правила именного синтеза.

Систем три: PRAE, IMFи AOR. К первой относятся формы презенса, императива и причастий настоящего времени; к последней — аорист, инфинитив, супин и причастия на **л-** и **т-**. Системы нужны затем, чтобы описать употребление рабочих основ глагола, которых в нормальном случае бывает две: расширенная и усеченная (**трьп** и **трьп.ѣ**); тогда формы системы PRAE образуются от усеченной основы, а формы системы AOR — от расширенной. То, от какой основы образуются формы системы IMF — имперфект и причастия на **н-** и **ш-**, — зависит от парадигматического класса: например, у класса 6 это расширенная основа (**милѡу.кши**, **мил.ѡв.а.ти** и **мил.ѡв.а.хъ**), а у класса 5 — усеченная (**двиг.н.ѣши**, **двиг.н.ж.ти**, но **двиг.н.ѣхъ**). Распределение базовых основ по системам задано таблицей. Всего парадигматических классов глагола, которые, как и принято в славистике, задаются противопоставлением основ презенса и аориста, семь: **любити**, **трьпѣти**, **плакати**, **нести**, **двигнѣти**, **миловати**, **дѣлати**.

Затем — как и в случае с именем — картину осложняют парадигматические эффекты. Очень широко применяется эффект под названием *экспансия чуждой рабочей основы* (кстати, на наш взгляд, название этого эффекта — один из лучших терминов, изобретенных Поливановой). С помощью этого эффекта основа аориста распространяется на **ш-**причастие в классе 5 (имперфект **двигн.ѣхъ**, но причастие **двигн.вѣш-**); кроме того, этот эффект создает многочисленные группы неправильных глаголов — например, глаголы типа **плѡути** (та же схема экспансии; **плѡв.ѣхъ**, но **плѡу.вѣш-**) или типа **чисти** (основа презенса **чѣт** распространяется не только на формы системы IMF, но даже на парадигму аориста; основа **чит** сохраняется только в формах инфинитива и супина). Бывают и другие парадигматические эффекты — например, *отсутствие ожидаемого переходного смягчения* (такой эффект превращает, в частности, глаголы класса 3 **плакати**, **плачж** в неправильные глаголы типа **ковати**, **ковж** вместо ожидаемого ***ковлж**). Все глаголы с аблаутом также включены в список неправильных (эффект «*неустойчивый вокализм в корне*»).

19 глаголов признаны уникальными — их парадигмы задаются целиком в словаре. Это не только традиционно выделяемые в учебных пособиях атематические глаголы, но и, например, **обрѣсти**, **обращж** с нестандартным чередованием в корне, нестандартные лексемы типа **вопити-вопнж**, **стати-станж** и др. Интересно, что Поливанова выделяет основы **к-** и **вы-** бытийного глагола в две разные лексемы.

Глагольное словоизменение изобилует «вторичными» и «аномальными» формами — это, например, кондиционалис типа **вимъ**, **вѣдѣ** — 1Sg.Prs глагола **вѣдѣти** — и, конечно, старые типы аориста. Ожидаемым образом первичные формы аориста в эталонном старославянском — формы типа **любихъ** и **рекохъ**; формы типа **идъ**, типа **рѣхъ** и типа **нѣсъ**, однако, тоже входят в эталон — для их построения достаточно добавить к глагольной лексеме окончания из соответствующего нестандартного набора (правила компенсаторного удлинения включены в список правил обработки швов). Заметим, что эти формы не считаются ни девиантными (как **вазлж** вместо **важж**), ни даже аномальными (как **имамь**).

Раздел III «Добавления» включает в себя, во-первых, описание инвентаря формативов с более подробным рассмотрением формативов разных позиционных и морфонологических классов (нередко дублирующее информацию, представленную в двух первых разделах), а во-вторых, комментарии, экскурсии и справки по поводу некоторых частных вопросов. В комментариях более подробно разбирается теоретический статус

некоторых элементов грамматики, о которых автор счел неуместным распространяться в основном тексте, — например, неплотного прилегания формативов, неустойчивого вокализма корня и т. д. В экскурсах разбираются более сложные проблемы старославянской грамматики, не имеющие непосредственного отношения к описанию в первых двух главах, — например, морфонологическое моделирование падения редуцированных по правилу Гавлика или рассуждение о способах интерпретации выбора рабочей основы для форм имперфекта. Не имея возможности пространно описывать здесь ни комментарии, ни экскурсии, отметим лишь, что они также представляют большой интерес для палеославистики. В словах приведены пошаговые алгоритмы построения именных и глагольных словоформ.

Раздел IV «Словари» содержит два грамматических словаря старославянского языка: парадигматический и корневой. В парадигматическом представлены все лексемы из контрольного списка, каждой из которых сопоставлено морфонологическое представление и парадигматический класс. В корневом представлены все корни из контрольного списка, каждому из которых сопоставлен список лексем, имеющих этот корень. Следует отметить, что идентичность корней устанавливается Поливановой гораздо более строгим образом, чем обычно, — например, не признаются однокоренными этимологически родственные **град** и **жрьд**, так как палатализация заднеязычных может затрагивать только конечные сегменты формативов.

В заключение можно отметить одно из главных свойств рецензируемой работы — ее замечательные для формальной грамматики понятность, доступность и ориентацию на читателя. Авторы формализованных описаний обычно платят дорогую цену за точность и эксплицированность излагаемой информации — их теоретические построения бывает слишком сложно воспринимать. Если они при этом стремятся еще и к внутренней стройности своих моделей (так называемой «экономности», возможно меньшему количеству исключений из правил и т. д.), то у более эмпирически ориентированных исследователей — к которым, несомненно, относится большинство отечественных палеославистов — может возникнуть дурное ощущение антиинтуитивности и ирреальности.

Объективно модель А. К. Поливановой можно, пожалуй, назвать громоздкой: автор вводит разные правила парадигматического синтеза для имен и глаголов, переносит такие высокоавтоматические правила чередования, как палатализация заднеязычных или переходное смягчение, в морфонологию (в отличие, например, от некоторых работ по порождающей фонологии для современного русского, где это фонологическое правило, ср. [Lightner 1965]) и т. д. На наш взгляд, однако, это главное достоинство работы — по сути, она является подробной и тщательной формализацией именно традиционных представлений об устройстве старославянского языка. В отличие от большинства авторов формальных работ, для Поливановой имеют смысл взгляды и мнения «неформальных» предшественников — в тексте часты ссылки на Вайана, Ланта и других славистов этого круга и содержательное обсуждение их позиций. В некоторых местах она переводит на свой, более строгий, язык даже морфонологические утверждения исследователей диахронии (см., например, с. 228). Это делает грамматику удивительно адекватной прагматически: строгий метод изложения не должен вызвать аллергии даже у читателя, привыкшего к самым традиционным описаниям старославянского, а обобщения вроде стандартных типов чередования и парадигматических эффектов хорошо согласуются с интуицией.

Автор блестяще справляется и с такой сложной эмпирической проблемой, как неоднородность старославянской морфонологической системы, — и межидиолектная, и «внутрисистемная». Разные типы «неправильности»: формы *испорченные*, *альтернативные*, *девиантные*, *аномальные*, *уникальные*, *неправильные* и др. — содержательно классифицируются, и почти каждому из них отводится место в системе.

Таким образом, представленное в книге Поливановой описание в виде грамматики и словаря может быть использовано в качестве исчерпывающего по полноте справочного пособия по формальной морфологии старославянского языка, полезного в том числе исследователям

языка восточнославянских литературных памятников или диахроническим русистам, а также всем изучающим (и преподающим!) старославянский в рамках учебного курса. Если читатель преодолеет некоторую — во многом мнимую — тяжеловесность формального аппарата, то в его распоряжении окажется описание старославянского языка, выполненное на гораздо более высоком уровне — и содержательно, и формально, — чем все предыдущие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку (*Manuel du vieux slave*) / Пер. с франц. Бородич В. В.; под ред. и с предисл. Сидорова В. Н. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual of Old Slavonic] (*Manuel du vieux slave*). Translated from French by Borodich V. V., ed. by Sidorov V. N. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Зализняк 1982 — Зализняк А. А. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // *Finitis duodecim lustris*: Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 82—85. [Zaliznyak A. A. Opposition of bookish and «common» graphic systems in Old Novgorod. *Finitis duodecim lustris: Sbornik statei k 60-letiyu prof. Yu. M. Lotmana*. Tallin: Eesti raamat, 1982. Pp. 82—85.]
- Иваницкая 2011 — Иваницкая Е. Н. Старославянский язык. М.: Academia, 2011. [Ivanitskaya E. N. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. Moscow: Academia, 2011.]
- Изотов 2001 — Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты. Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. М.: ИОСО РАО, 2001. [Izotov A. I. *Staroslavjanskii i tserkovnoslavjanskii yazyki: Grammatika, uprazhneniya, teksty. Uchebnoe posobie dlya srednikh i vysshikh uchebnykh zavedenii* [Old Slavonic and Church Slavonic: Grammar, exercises, texts. A guide for secondary and higher educational institutions]. Moscow: The Institute of General Secondary Education, Russian Academy of Education, 2001.]
- Мейе 2001 — Мейе А. Общеславянский язык / Пер. с франц., общ. ред. Бернштейна С. Б. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. [Meillet A. *Obshchieslavjanskii yazyk* [Common Slavic]. Translated from French, ed. by Bernshtein S. B. Moscow: Progress, 2001.]
- Попов 1997 — Попов М. Б. Введение в старославянский язык. Учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. [Popov M. B. *Vvedenie v staroslavjanskii yazyk. Uchebnoe posobie* [Introduction to Old Slavonic. A teaching guide]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 1997.]
- Ремнева 2004 — Ремнева М. Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004. [Remneva M. L. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004.]
- Селищев 1951 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1: Введение. Фонетика. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1951. [Selishchev A. M. *Staroslavjanskii yazyk. Chast' 1: Vvedenie. Fonetika* [Old Slavonic. Part 1: Introduction. Phonetics]. Moscow: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1951.]
- Селищев 1952 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1952. [Selishchev A. M. *Staroslavjanskii yazyk. Chast' 2: Teksty. Slovar'. Ocherki morfologii* [Old Slavonic. Part 2: Texts. Vocabulary. Studies in morphology]. Moscow: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1952.]
- Хабургаев 1974 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1974. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk: Uchebnoe posobie* [Old Slavonic: Teaching guide]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]
- Хабургаев 1986 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1986.]
- Хабургаев 2012 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. 3-е изд., стереотип. М.: Альянс, 2012. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. 3rd edition, stereotype. Moscow: Al'yans, 1986.]
- Lightner 1965 — Lightner Th. *Segmental phonology of Modern Standard Russian*. PhD diss. Cambridge: MIT, 1965. (Unpublished.)
- Lunt 2001 — Lunt H. G. *Old Church Slavonic Grammar*. 7th ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. (1st ed. – 1974.)